

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ «ДЕРЕВНЯ ЯРКОВА» В ТОБОЛЬСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

В научный оборот вводится информация о двух детских погребениях с русского поселения «деревня Яркова» в Тобольском Прииртышье, изученных в ходе археологических исследований. На основе анализа черт погребального обряда захоронения датированы серединой XIX – началом XX в. В связи с отсутствием поблизости других захоронений делается вывод о том, что данные погребения представляют собой «домашнее» (семейное) кладбище некрещеных младенцев, расположенное на огороде у обрыва, на свободном от хозяйственной деятельности участке крестьянской усадьбы. Для интерпретации археологически фиксируемых элементов погребального обряда (перевитие шнуром, захоронение на территории поселения и др.) привлечены данные по этнографии восточных славян.

Ключевые слова: Тобольское Прииртышье; русские; погребальный обряд; детские захоронения.

Изучение русской культуры на территории Сибири по-прежнему остается одной из актуальных задач современной науки, так как русские являются самым многочисленным этносом данного региона. В его формировании приняли участие выходцы практически из всех губерний Европейской России, различные по своей конфессиональной, этнической и социальной принадлежности, в связи с чем существует множество локальных региональных и специфических особенностей в культуре отдельных групп русского населения Сибири. До сих пор не умолкают споры об «особом сибирском типе» русской культуры в Сибири [1. С. 18].

Исследователи отмечают, что, несмотря на кажущееся обилие материалов, такая важная часть русской культуры, как похоронно-поминальная обрядность и связанные с ней представления, изучены еще мало [2. С. 518]. В советской этнографической науке изучение культуры русских Сибири начинается только с середины XX в. [1. С. 18], когда произошли значительная трансформация и утрата многих традиционных элементов культуры.

В данной ситуации ценнейшим источником для реконструкции погребальной обрядности русского населения Сибири могут служить материалы, полученные в результате археологических исследований погребальных русских памятников XVII – начала XX в.

В 2000-х гг. в Западной Сибири наряду с русской городской археологией нового времени началось развитие сельской археологии. Наибольшего развития этот процесс достиг в Омском Прииртышье, где на сегодняшний день изучено пять сельских памятников (в том числе два кладбища), материалы которых опубликованы [3. С. 13]. В Нижнем Прииртышье с 2005 г. проводятся исследования Горноправдинского могильника русских старожилов XVIII–XIX в. [4].

В последние годы в Тобольском Прииртышье ведется работа по выявлению, фиксации и проведению археологических исследований на памятниках периода русского освоения. На правом берегу р. Иртыш тобольскими археологами в результате разведочных работ выявлена деревня Выходцева, основанная в начале XVII в. [5]. Археологические исследования проведены также в Абалакском мужском и Иоанно-Введенском женском монастырях. В границах монастырей исследованы два христианских кладбища XVII–XIX вв. [6]. В 2012 г. в ходе разведочных работ

Н.П. Туровой в Тобольском районе Тюменской области на первой надпойменной террасе правого коренного берега озера Исток были выявлены и получили статус памятников археологии два русских поселения – «деревня Вахрушева» и «деревня Яркова» [7. С. 53–54].

В 2015 г. археологическим отрядом Тобольской комплексной научной станции УрО РАН под руководством А.А. Адамова были проведены археологические исследования на поселении «деревня Яркова». Деревня известна с 20-х гг. XVII в. [8. С. 31, 40]. Сведения о ней встречаются в письменных, картографических источниках и в более позднее время. Деревня просуществовала до конца 60-х гг. XX в. Рекогносцировочный раскоп площадью 50 кв. м был разбит на краю террасы, в юго-западной части поселения. Следов каких-либо капитальных построек не выявлено. Интерес представляют два детских захоронения, обнаруженные в раскопе.

Целью данной работы являются введение в научный оборот материалов двух детских погребений поселения «деревня Яркова», хронологическая атрибуция, интерпретация археологически фиксируемых элементов погребального обряда.

Описание погребений. Погребение 1 (рис. 1) расположено в секторе 1, ориентировано по линии северо-запад – юго-восток, перпендикулярно террасе. Могильная яма подпрямоугольной формы размером 74 × 41 см начала фиксироваться с уровня первого горизонта, заглублена в материк на 9 см, а от уровня дневной поверхности – на 47 см. Колода зафиксирована на уровне материка. Колода размером 58 × 10 см и высотой 9 см имеет подпрямоугольную форму. Ее внутреннее пространство имеет размер 48 × 7–8 см. Подавляющая часть костных останков сохранила анатомическое положение, лишь малая берцовая кость правой ноги и кости черепа смещены с первоначальных мест. Кости черепа значительно сместились к торцевой стенке изголовья колоды. Сохранность костяка хорошая. Ребенок был положен в деревянную колоду вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки сложены на животе. В районе плечей, таза и ног выявлены фрагменты жгута из спрессованных нитей светло-коричневого цвета растительного происхождения¹. В области голени на жгута сохранился узел (рис. 2).

Погребение 2 (рис. 1) находилось в секторе 2, в 3,2 м к северо-западу от погребения 1. Могильная яма

подпрямоугольной формы со скругленными углами, размер 85 × 28 см, перерезала яму № 32, заполненную пережженной золой и углем. Захоронение совершено в колоде подпрямоугольной формы размером 60 × 12–15 см и высотой около 9 см. Внутреннее пространство колоды имеет «анатомический контур» – расширение под плечевую область; размер 45 × 8–13 см. Колода была установлена на дне углистой ямы на материковый желтый суглинок (из-за стремления поставить колоду на «чистый» суглинок данное погребение отличается от погребения 1 большей глубиной – около 70 см от уровня современной дневной поверхности). Сохранность

костяка неудовлетворительная. Погребение ориентировано по линии ССЗ–ЮВВ. Ребенок был уложен вытянуто на спине, головой на северо-запад, правая рука находилась в области груди, левая на животе, ноги чуть согнуты в коленях, с поворотом вправо. Длина костяка не превышает 37 см. Погребенный был завернут в несколько слоев ткани фабричного производства. Лоскутки ткани небольшого размера, плохой сохранности. Фрагменты черного цвета (плохой сохранности) выявлены на черепе погребенного, изготовлены из сырья растительного происхождения; фрагменты атрибутируются как плотно полотняного переплетения.

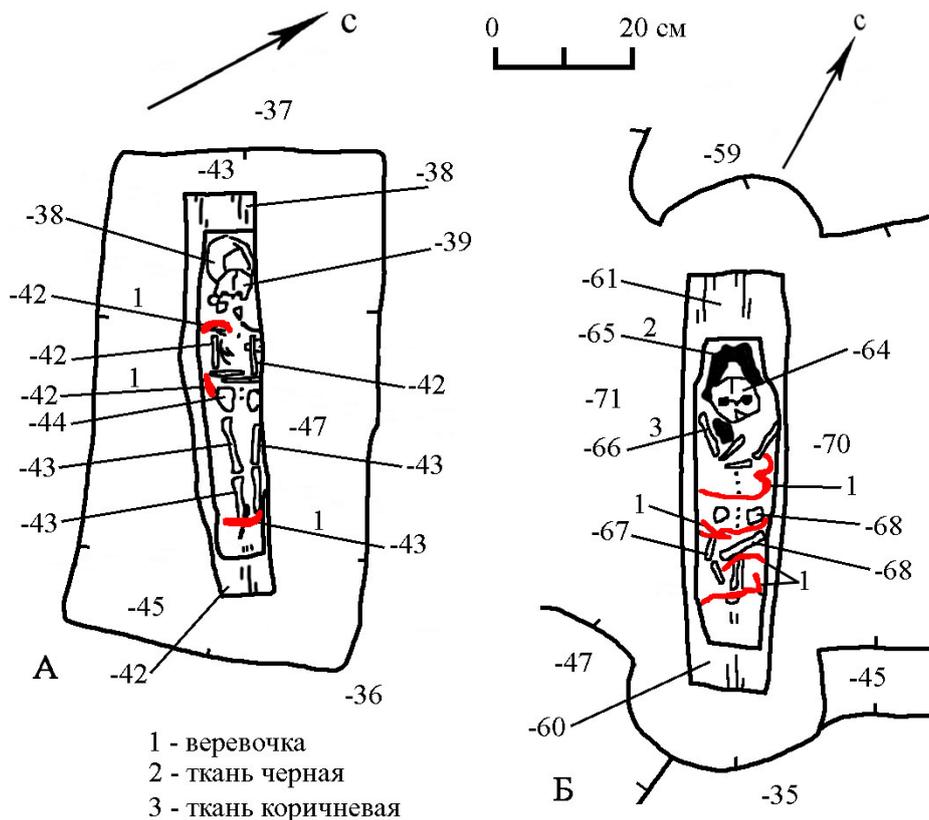

Рис. 1. Планы погребений: А – погребение 1; Б – погребение 2

Рис. 2. Фрагменты свивальников: А – погребение 1; Б – погребение 2

Фрагменты коричневатого цвета с красным оттенком обнаружены в районе грудной клетки ребенка, изготовлены из сырья животного происхождения (шелк). Тип переплетения – полотняный. Фрагменты атрибутируются как шелковое полотно.

Тело ребенка было перевито веревочкой (веревка коричневого цвета из сырья животного происхождения): кресты были в районе груди, таза и ног. В области голени на веревке сохранились узелок, который фиксировал перевитие, а также «технологический» узелок на конце веревочки (рис. 2).

Хронологическая атрибуция погребений; интерпретация элементов обряда. О времени совершения захоронения судить достаточно сложно, так как отсутствует датирующий материал, а стратиграфические и планиграфические сведения малоинформативны в силу особенностей культурного слоя на изученном участке поселения. Несмотря на разную сохранность костного материала, погребения следует признать одновременными, о чем свидетельствуют их близость, взаиморасположение и сходные элементы погребального обряда. О позднем периоде захоронений (не ранее середины XIX в.) могут свидетельствовать сохранившиеся в погребении 2 фрагменты фабричного текстиля. По данным Г.С. Масловой, у русских крестьян материал для похоронной одежды в XIX в. был домотканым, а к концу XIX – началу XX в. и покупным (фабричным) [9. С. 86].

Подтверждают это и современные исследования образцов тканей из могильников Западной Сибири Изюк I, Ананьино I, Горноправдинского. По мнению Т.Н. Глушковой, исследовавшей образцы тканей из погребений этих могильников, в погребальном обряде в XVII–XVIII вв. использовался домотканый текстиль, изготавливавшийся на месте [10. С. 332]. Со второй половины XIX в. в качестве погребальной одежды наряду с местным стала использоваться одежда фабричного производства [11. С. 283–285].

Исследователи отмечают, что в погребальной одежде восточных славян помимо преобладающего белого цвета встречались и другие цвета: черный, синий, красный [9. С. 96]. Красный цвет для погребальной одежды встречался в украинской похоронной обрядности, имел узколокальное бытование и был связан со спецификой казацкого быта, не имея повсеместного значения. Черный цвет в XIX – начале XX в. стал более активно проникать из города в погребальную и траурную одежду [Там же. С. 97].

Первой «одеждой» новорожденного были пеленка и свивальник. Их изготавливали из поношенных, старых рубашек и других частей одежды взрослых. Свивальник – полоса ткани до 2 м длиной и 9 см шириной. Им свивали ребенка до годовалого возраста и более, иногда он изготавливался из шнура, которым крестообразно обвязывали ребенка, а в некоторых случаях использовали пояс [Там же. С. 104]. Материалы погребений русского поселения «деревня Яркова» демонстрируют традицию перевития тела умершего веревочкой (жгутом) таким образом, чтобы веревка перекрещивалась спереди (зафиксировано как минимум три креста: в районе груди, таза, ног). Концы веревки завязывались в районе голени узлом, кото-

рый не развязывался при погребении – разрезалась сама веревка по месту перекрестий (в погребении 2 все «хвостики» веревочек по центральной оси погребения находились свободнолежащими, т.е. разрезана перевязь была по месту перекрещивания веревочек – по «крестам»).

Подобное обвязывание-пеленание является, видимо, одной из наиболее архаичных черт погребальной обрядности, сохранившейся со времен язычества славян. В научной этнографической литературе этот элемент обряда описан слабо (по детским захоронениям такой информации совсем нет). У русских Сибири руки и ноги умершему связывали нитками или веревочками, которые в гробу развязывались [12. С. 388]. Имеются сведения, что у старообрядцев Западной Сибири завернутое в саван тело сверху обвязывали «нагробными пеленами», которые представляли собой жгут из отбеленных льняных ниток, скрученных вдвое; ими обвязывали все тело по савану тремя крестами: на груди, животе и ногах (при положении в гроб пелены на ногах развязывали) [Там же. С. 387]. По савану пеленали тесьмой – специальным свивальником, и у старообрядцев Пермской губернии; свивали так, чтобы тесьма скрещивалась спереди [9. С. 89]. В Сургутском Приобье «еретикам» или колдунам руки и ноги связывали конским волосом [12. С. 388]; у печорских коми старообрядцев в XX в. ноги и руки умершего связывали, чтобы «не расходились» [13. С. 22]; у оренбургских казаков в начале XX в. умершим связывали руки и ноги нитками [14. С. 118].

Археологические материалы также подтверждают обычай перевязывания покойника веревками. В Тобольске зафиксирован единственный факт перевязывания рук во взрослом погребении, датируемом не позднее начала XVIII в. [15. С. 12]. На Горноправдинском могильнике XVIII–XIX вв. в 9 из 34 погребений руки и ноги у умерших были связаны веревочками [4. С. 25]. В Челябинске на кладбище, датируемом 1736–1771 гг., в одном погребении «колени покойника были стянуты шнуром», еще в нескольких погребениях перевязь не сохранилась [16. С. 135].

Наличие неразвязанных узлов на перевязи на первый взгляд может показаться противоречащим русской погребальной традиции, согласно которой узлы запрещалось делать при изготовлении одежды для умершего [9. С. 86]. Исследователем М.М. Валенцовой, описавшей семантику и функцию узла на большом фактическом материале разных славянских традиций, было отмечено, что благодаря значению закрепления и привязывания, узлы не использовались в похоронной обрядности: узлы запрещалось делать при изготовлении одежды и снаряжения для умершего у славян: у русских смертную одежду шили без узлов, чтобы не привязать покойника к этому свету, чтобы он не «пришел» за другим членом семьи; у поляков верили, что узелками можно было привязать грехи умершего, которые затруднят на «том» свете избавление его души, болгары развязывали узлы на одежде мертвеца, чтобы он не спотыкался на «том» свете [17. С. 57]. Вместе с тем исследователь отмечает, что узел оценивается двойственно и имеет как положительное, так и отрицательное значение. Важную

роль при завязывании и развязывании узла играли цель, способ, время, место совершения этих действий. В основе значения узла лежит намерение, с которым он завязывался, выраженное в мыслях или словах [17. С. 53]. Мы не можем достоверно знать о тех намерениях, с которыми завязывались (и не развязывались) эти узлы в детских захоронениях. Следует отметить, что любой погребальный обряд был направлен на обеспечение успешного перехода души умершего в иной мир, а также на защиту живых людей.

Относительно захоронений в колодах в письменных источниках имеются сведения о том, что в XIX в. на Русском Севере, в Забайкалье и в некоторых других местностях были распространены не только дощатые гробы, но и «долбленные из колоды»; к концу XIX в. из колоды делали гробы только детям [2. С. 522].

Зафиксированное в погребении I смещение некоторых костей скелета можно объяснить перемещением гроба после скелетизации останков. Потрясённость скелетов в большинстве детских погребений могильника Изюк I исследователем объясняется тем, что детские погребения были эксгумированы при подзахоронении взрослого при ярусных семейных захоронениях [18. С. 229]. В нашем случае можно предположить, что смещение костей произошло в результате перезахоронения, например, при переезде на новое место жительства (хотя свидетельств о подобных манипуляциях с детскими захоронениями в этнографической литературе нами не встречено).

Анализируя такие археологически фиксируемые элементы погребальной обрядности вышеописанных погребений, как незначительная глубина могильной ямы, отклонение от западной ориентировки погребений, можно было бы говорить об отступлении от канонического христианского погребального обряда. Однако, как показывают исследования русских погребальных памятников Нового времени, такая показательная характеристика христианских погребений, как ориентация могил с запада на восток, глубина захоронения, соблюдались весьма условно, особенно в сельской местности [2. С. 518; 19. С. 196; 20; 21].

Относительно нахождения погребений на площади населенного пункта можно сказать следующее. Этнографические данные фиксируют весьма разнообразные варианты погребального обряда и организации кладбищ у русских. Покойников делили на «чистых», умерших естественной смертью, и «нечистых», «заложных», к которым преимущественно относили некрещеных детей, самоубийц, колдунов, опойц, убитых и пр. В соответствии с представлениями о ритуальной «чистоте» или «нечистоте» умерших и с разными посмертными судьбами их душ, можно условно выделить два типа погребального обряда. Первый, более христианизированный вариант, относится к «чистым» умершим, включает в себя церковное отпевание, захоронение на кладбище, ритуальные формы церковного и домашнего поминовения. Второй обслуживает ситуацию похорон «нечистых» покойников и сохраняет большое количество архаических черт [22. С. 233]. Главной чертой похорон «нечистого» покойника можно назвать запрет на его захоронение на кладбище вместе с другими членами семьи, для их

могил выбирали места, использовавшиеся для захоронений в дохристианскую эпоху. К ним, прежде всего, относятся локусы на территории дома и усадьбы и в природном пространстве. В пределах жилища и усадьбы часто погребали некрещеных детей: для этого избирались места под иконами, печью, в подызбице, сенях, под порогом, фундаментом дома, окном, во дворе, саду (особенно под плодовым деревом – яблоней, грушей, вишней, под калиной или акацией), в огороде, клуне, под сараем, на гумне. В некоторых областях данный обычай сохранялся вплоть до недавнего времени и относился, кроме детей, к другим умершим членам семьи, например к старикам, особенно если они сами завещали такой способ погребения [Там же. С. 234].

Для детей, родившихся неживыми или умершими некрещеными у малорусов существовало особое название: потерна, потерчатко, потерчук = «дитя, умершее без крещения»; хоронить их на кладбище считалось грехом [23. С. 70, 72]. Исследователи отмечают, что у русских дети практически не умирали некрещеными, так как их крестили тотчас после рождения (при отсутствии священника обряд могла выполнить бабка-повитуха) [12. С. 393]. Интересные сведения приводит археолог Л.В. Татаурова, исследовавшая в Среднем Прииртышье могильник Изюк I: даже у младенцев (хотя и не у всех), родившихся недоношенными, были кресты. В одном случае металлический крест заменили кожаным: две полоски кожи (крест-накрест) лежали под головой ребенка [18. С. 233].

Но все же не всех детей успевали покрестить. Сведения о том, как хоронили младенцев в Полтавской губернии, имеются в рукописях XIX в.: «Дети мертворожденные и умершие неокрещенными <...> их хоронят в самой жилой части хаты <...> у порога вхожих дверей», «Мертворожденных детей (недонис, скынута дetyна) закапывают в избе под порогом, веря, что когда священник будет через порог идти с крестом, то сообщит праху младенца силу святыни; иные же закапывают в сенях под верхом, где люди меньше ходят» [24. С. 29]. В Орловской губернии «детей, умерших без крещения, и мертворожденных хоронит отец в саду или на огороде, или на гумне, но так, чтобы никто не знал, когда и как похоронен младенец» [23. С. 73].

Г.Х. Самигулов приводит интересную информацию о том, что в русских населенных пунктах на Мезени намогильные кресты до начала XX в. можно было увидеть не только на кладбище, но и рядом с домом – напротив его переднего угла, около порога, на огороде. Это объясняется «сохранившимся в этом крае до начала XX в. обычаем хоронить родственников рядом с жилищем». Исследователь делает заключение о том, что данная «нерусская» (по мнению некоторых исследователей) погребальная традиция была характерна как раз для части населения Поморья, откуда и шло заселение Сибири в XVII–XVIII вв. [20. С. 163].

Причины смерти младенцев могли быть самыми разнообразными: смертность среди православного населения России до начала XX в. находилась на

очень высоком уровне, в том числе за счет детской смертности. Так, у коми-зырян Ялуторовского уезда Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. смертность детей до 1 года составляла 72% от общего числа умерших детей, из них 10% умерли на первой неделе после рождения, в так называемый перинатальный период [25. С. 134]. (Перинатальный период – период внутриутробного развития с 28-й недели до первых семи суток после рождения.)

В настоящее время до 70% смертей детей до 1 года приходится именно на этот период. В соответствии с применяемыми в современной медицине показателями параметров физического развития новорожденных, длина тела 37 см, фиксируемая у младенца в погребении 2, соотносится с 28–29-ю неделями внутриутробного развития и массой тела 1 124–1 381 г. По международной классификации ВОЗ, нижней границей нормы для здорового доношенного ребенка является масса 2 500 г. Детей, рожденных с меньшей массой тела, рассматривают как детей с внутриутробной гипотрофией [26. С. 15–16]. В XIX – начале XX в. новорожденные, умершие в первые дни после рождения (до семи суток), записывались в метрические книги в зависимости от того, успели ли их крестить или нет. Основная причина смертности в этот период обозначалась как «младенческая слабость». Встречаются единичные указания на такие причины смерти, как «родимец», «недоносок» [27. С. 41]. Вполне возможно, что погребенные на поселении «деревня Яркова» дети были либо мертворожденными, либо умерли почти сразу после родов и поэтому не были крещены.

Заключение. Отмечаемая исследователями устойчивость погребальной обрядности к изменениям эле-

ментов обуславливает сохранность в ней архаичных элементов (особенно в сельской среде) [22. С. 232]. Это связано с определенной табуизацией сферы смерти и страхом перед ней, заставляющим с особым вниманием относиться ко всем действиям, ритуально оформляющим переход человека в мир иной, следить за правильностью их исполнения, чтобы не помешать душе уйти на тот свет, предотвратить дальнейшие смерти в семье [Там же. С. 232–233].

Материалы детских погребений, выявленных на территории русского поселения «деревня Яркова», демонстрируют как сохранение архаичных черт в погребальном обряде русских – перевитие веревочками, захоронение на огороде, погребение в колодах, небольшая глубина могил; так и изменения, проникшие в погребальную обрядность в XIX в., – использование в обряде тканей фабричного производства, их темная цветовая гамма. По совокупности признаков погребения датированы серединой XIX – началом XX в.

Ввиду отсутствия поблизости других захоронений, а также следов построек, можно сделать заключение о том, что данные захоронения представляют собой «домашнее» (семейное) кладбище некрещеных младенцев, расположенное на огороде, у обрыва, на свободном от хозяйственной деятельности участке крестьянской усадьбы.

Дальнейшие исследования поселенческих и погребальных русских памятников позднего Средневековья и Нового времени позволят раскрыть все многообразие материальной и духовной культуры, в том числе охарактеризовать локальные варианты погребально-поминальной обрядности русского населения Прииртышья.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Технологическое описание фрагментов веревочек и ткани выполнено аспирантом Сургутского государственного педагогического университета Ю.А. Сениориной, за что авторы выражают ей глубокую признательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигунова М.А. Изучение русской культуры Сибири во второй половине XX века // Культурологические исследования в Сибири. Омск : Наука, 2005. № 2 (16). С. 18–29.
2. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М. : Наука, 1997. С. 517–532.
3. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVI–XIX вв. по материалам комплекса Изюк I / отв. ред. Н.А. Томилов. Омск : Апельсин, 2010. 284 с.
4. Зайцева Е.А., Кениг А.В. Погребальная обрядность русского старожильческого населения Нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинский) // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. / под ред. Л.В. Татауровой, В.А. Борзунова. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. II. С. 23–27.
5. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Разведочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I. С. 242–248.
6. Загваздин Е.П. Итоги археологических исследований в монастырях Тюменской области // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. / под ред. Л.В. Татауровой, В.А. Борзунова. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. I. С. 158–163.
7. Турова Н.П. Отчет о проведении археологической разведки в Тобольском районе Тюменской области в 2012 году. Тобольск, 2015 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. № 18224.
8. Дозорная книга 1623 г. // Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – начале XVIII в. : сб. архивных источников. Тюмень : Изд-во ТГУ, 2001. С. 19–75.
9. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М. : Наука, 1984.
10. Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк I и Ананьино I // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Апельсин, 2008. С. 326–332.
11. Глушкова Т.Н., Зайцева Е.А. Текстиль XVIII–XIX вв. по материалам могильника Горноправдинский // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 283–290.
12. Бардина П.Е. Русские // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 383–393.

13. Чувьоров А.А. Похоронно-поминальные обряды печорских коми старообрядцев // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий / отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН, 2009. Кн. 2. С. 20–28.
14. Голикова С.В. Похоронные обряды русских Урала середины XIX – начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 118–122.
15. Баллонов И.В. Погребальный обряд Спасского кладбища г. Тобольска // Диалог культур и цивилизаций. Материалы XI Всероссийской научной конференции молодых исследователей. Тобольск : Изд-во ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2010. С. 12–13.
16. Самигулов Г.Х. Первое Челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. тр. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Изд-во ОмГУ, 2002. С. 133–137.
17. Валенцова М.М. Узел в традиционной культуре славян // Славяноведение. 2011. № 6. С. 53–59.
18. Татаурова Л.В. Этнокультурные аспекты погребального обряда русских Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв. по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 221–235.
19. Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука, 2003. Т. 6. С. 192–232.
20. Самигулов Г.Х. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 154–168.
21. Татаурова Л.В. Об одном из элементов погребального обряда русских по данным археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск ; Ханты-Мансийск, 2002. С. 235–236.
22. Andrunina M.A. Transformation of the Traditional Death Connected Customs: Loss and Modification of Their Elements // Russkaya Starina. 2015. Vol. (16), is. 4. P. 232–241.
23. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / вступ. ст. Н.И. Толстого ; подготов. текста, коммент., указ. Е.Е. Левкиевской. М. : Индрик, 1995. 432 с.
24. Бережнова М.Л. К вопросу о генезисе погребального обряда русских сибиряков // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий / отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН, 2009. Кн. 2. С. 28–33.
25. Машаринова А.Х. Детская смертность у коми-зырян Нижнего Притобья в конце XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 133–137.
26. Хазанов А.И. Клиническая неонатология. СПб. : Гиппократ, 2009. 424 с.
27. Копыткова Н.А. Детская смертность в г. Мариинске Томской губернии во второй половине XIX в. (по материалам метрических книг) // Альманах современной науки и образования. 2007. № 2 (2). С. 41–42.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 ноября 2016 г.

CHILDREN'S BURIALS AT THE RUSSIAN SETTLEMENT YARKOVA IN THE TOBOLSK IRTYSH REGION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 45–51.

DOI: 10.17223/15617793/414/7

Petr G. Danilov, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: danilovpg@mail.ru

Natalya P. Turova, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: turova2707@yandex.ru

Keywords: Irtysh territory in Tobolsk region; Russians; funeral ceremony; burials of children.

The research is aimed at a comprehensive analysis of two burials of children found at the Russian settlement Yarkova. These burials were studied during archaeological research. Yarkova (early 12th c. – 1960s) is located in Tobolsk district of Tyumen Oblast on a floodplain terrace on the right bank of Lake Istok. The 50 sq m excavation was made right at the edge of the terrace, in the south-western part of the settlement. Traces of permanent buildings were not found. Burial 1 is oriented perpendicular to the terrace. The grave is 74 x 41 cm, 47 cm deep to the current surface. The log is 58 x 10 x 9 cm in size. The child was laid flat on its back, with its head to the northwest, with its hands folded on the stomach. Some of the skeleton bones were shifted from their initial original positions. The child's shoulders, pelvis and legs were covered with fragments of binder made up from compressed natural strands of light-brown color (the child was wrapped in it). There was a knot on the binder which wrapped the legs. Burial 2 is 70 cm to the current surface; the burial was made in a log of 60 x 12–15 x 9 cm in size. Its inner space is of anatomical contour with a wider space for the shoulder area. The burial was placed along the line NNW – SEE. The child was laid flat on its back, with its head to the northwest, the right hand being on the chest and the left hand on the stomach. The child's legs were slightly bent at its knees, a bit turned to the right. The length of the backbone did not exceed 37 cm. There were fragments of manufactured tissue: natural black ones were found on the child's skull; silk fragments of brownish color with a red hue were found in the area of the child's chest. The body was entwined with a rope (the rope of brown color and of animal origin) that was crossed in the front: in the center of the chest, pelvis and legs. There was a knot on the rope on the child's legs. And though the knot was not untied at the burial, the rope was proved to be cut in the center along the body. In ethnographic literature there is no information found concerning ropes at buried bodies being cut. Burials date back to the middle of the 19th – early 20th centuries. Due to the lack of other nearby graves, as well as the lack of neighboring buildings traces, there is a conclusion that the researched burials are a kind of a “home” (family) cemetery for unbaptized babies, located in the outskirts of a peasant house. Further studies of Russian settlement and burial monuments dated back to the late Middle Ages and to modern time are to reveal all the diversity of the material and spiritual culture of Russian Siberians.

REFERENCES

1. Zhigunova, M.A. (2005) Izuchenie russkoy kul'tury Sibiri vo vtoroy polovine XX veka [The study of Russian culture of Siberia in the second half of the 20th century]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 2 (16). pp. 18–29.
2. Kremleva, I.A. (1997) Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady [Funeral and memorial customs and rites]. In: Aleksandrov, V.A., Vlasova, I.V. & Polishchuk, N.S. (eds) *Russkie* [The Russians]. Moscow: Nauka.
3. Tataurova, L.V. (2010) *Pogrebal'nyy obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVI–XIX vv. po materialam kompleksa Izyuk-I* [The funeral rite of the Russians in the Middle Irtysh in the 14th–19th centuries based on the complex Izyuk-I]. Омск: Apel'sin.
4. Zaytseva, E.A. & Kenig, A.V. (2014) Pogrebal'naya obryadnost' russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Nizhnego Priirtysh'ya XVIII–XIX vv. (po materialam raskopok mogil'nika Gornopravdinskiy) [Funeral rites of Russian old residents of the Lower Irtysh in the 18th–19th centuries (based on the Gornopravdinsk burial excavation)]. In: Tataurova L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh: v 2 t.* [Culture of the Russians in archaeological research: in 2 vols]. Vol. 2. Омск; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan.

5. Adamov, A.A., Balyunov, I.V. & Danilov, P.G. (2006) [Exploration work at the mouth of the river Sibirka]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories]. Proceedings of the Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS 2006. Vol. 12. Pt. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 242–248. (In Russian).
6. Zagvazdin, E.P. (2014) Itogi arkheologicheskikh issledovaniy v monastyryakh Tyumenskoj oblasti [Results of archeological research in Tyumen Oblast monasteries]. In: Tataurova L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: v 2 t.* [Culture of the Russians in archaeological research: in 2 vols]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan.
7. Turova, N.P. (2015) *Otchet o provedenii arkheologicheskoy razvedki v Tobol'skom rayone Tyumenskoj oblasti v 2012 godu* [Report on the archaeological exploration in Tobolsk district of Tyumen Oblast in 2012]. Tobolsk. Scientific Archive of Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. Item 18224.
8. Balyuk, N.A. (2001) Dozornaya kniga 1623 g. [Patrol book of 1623]. In: *Zemledel'cheskoe khozyaystvo Zapadnoy Sibiri v XVII – nachale XVIII vv.: sb. arkhivnykh istochnikov* [Agricultural economy of Western Siberia in the 17th – early 18th centuries: archival sources]. Tyumen: Tyumen State University.
9. Maslova, G.S. (1984) *Narodnaya odezhda v vostochnoslavjanskikh traditsionnykh obyachyakh i obryadakh XIX – nachala XX v.* [Folk costumes in East Slavic traditional customs and rituals of 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka.
10. Glushkova, T.N. (2008) Tkani XVII veka iz russkikh mogil'nikov Izyuk I i Anan'ino I [Fabrics of the 17th century of Russian burials Izyuk I and Ananyino I]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in archaeological research]. Omsk: Apel'sin.
11. Glushkova, T.N. & Zaytseva, E.A. (2011) Tekstil' XVIII–XIX vv. po materialam mogil'nika Gornopravdinskiy [Textiles of the 18th–19th centuries. Materials of the burial Gornopravdinsk]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in archaeological research]. Omsk: Omsk Institute (Branch) of RSTEU.
12. Bardina, P.E. (1994) Russkie [The Russians]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays of the cultural genesis of the peoples of Western Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
13. Chuv'yurov, A.A. (2009) Pokhoronno-pominal'nye obryady pechorskikh komi starobryadtsev [Funeral and memorial rites of the Pechora Komi Old Believers]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Sibirskiy sbornik: Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Siberian collection: funeral rites of Siberia and adjacent areas]. Vol. 2. St. Petersburg: MAE RAS.
14. Golikova, S.V. (2012) Funeral rites with Russians from the Urals in the middle of XIX — early XX centuries. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 4 (19). pp. 118–122. (In Russian).
15. Balyunov, I.V. (2010) [The funeral rite of the Spassky cemetery in Tobolsk]. *Dialog kul'tur i tsivilizatsiy* [Dialogue of cultures and civilizations]. Proceedings of the XI All-Russian conference of young researchers. Tobolsk: TSSPA. pp. 12–13. (In Russian).
16. Samigulov, G.Kh. (2002) Pervoe Chelyabinskoe kladbishche (po itogam arkheologicheskikh raskopok) [The first Chelyabinsk cemetery (the results of archaeological excavations)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in archaeological research]. Omsk: Omsk State University.
17. Valentsova, M.M. (2011) Uzel v traditsionnoy kul'ture slavyan [Node in the traditional culture of the Slavs]. *Slavyanovedenie*. 6. pp. 53–59.
18. Tataurova, L.V. (2005) Etnokul'turnye aspekty pogrebal'nogo obryada russkikh Srednego Priirtysh'ya v XVII–XVIII vv. po dannym arkheologii [Ethnocultural aspects of the funeral rites of the Middle Irtysh Russians in the 17th–18th centuries according to archeology]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in archaeological research]. Omsk: Omsk State University.
19. Makarov, L.D. (2003) Pogrebal'nyy obryad slavyano-russkogo naseleniya Vyatskogo kraja [The funeral rite of the Slavic-Russian population of the Vyatka region]. In: Korusenko, M.A. et al. (eds) *Einografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and archaeological complexes: Problems of culture and society]. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka.
20. Samigulov, G.Kh. (2005) K voprosu o pogrebal'nom obryade russkikh Urala i Sibiri XVIII v. [On the funeral rite of the Russians in the Urals and Siberia in the 18th century]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in archaeological research]. Omsk: Omsk State University.
21. Tataurova, L.V. (2002) Ob odnom iz elementov pogrebal'nogo obryada russkikh po dannym arkheologii [On one of the elements of the funeral rite of the Russians according to archeology]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archeological and ethnographic research]. Omsk; Khanty-Mansiysk.
22. Andrunina, M.A. (2015) Transformation of the Traditional Death Connected Customs: Loss and Modification of Their Elements. *Russkaya Starina*. 16:4. pp. 232–241. DOI: 10.13187/rs.2015.16.232
23. Zelenin, D.K. (1995) *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoy smert'yu i rusalki* [Selected works. Sketches of Russian mythology: those who died an unnatural death and mermaids]. Moscow: Indrik.
24. Berezhnova, M.L. (2009) K voprosu o genezise pogrebal'nogo obryada russkikh sibiryakov [On the genesis of the funeral rite of Russian Siberians]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Sibirskiy sbornik: Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Siberian collection: funeral rites of Siberia and adjacent areas]. Vol. 2. St. Petersburg: MAE RAS.
25. Masharipova, A.Kh. (2014) Detskaya smertnost' u komi-zyryan Nizhnego Pritobol'ya v kontse XIX – nachale XX v. [Komi-Zyryan infant mortality in the Lower Tobol in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 1 (24). pp. 133–137.
26. Khazanov, A.I. (2009) *Klinicheskaya neonatologiya* [Clinical neonatology]. St. Petersburg: Gippokrat.
27. Kopytova, N.A. (2007) Detskaya smertnost' v g. Mariinske Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v. (po materialam metricheskikh knig) [Infant mortality in the city of Mariinsk of Tomsk Province in second half of the 19th century (based on parish registers)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2 (2). pp. 41–42.

Received: 09 November 2016